

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ДЕРЖАВНЫЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

БЕСЕДЫ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

Каждый человек рано или поздно задумывается о своей жизни: кто он, зачем пришёл в этот мир, к какому роду-племени принадлежит? И чем раньше он спросит себя об этом, тем больше у него возможностей найти своё призвание, свой путь или тропинку среди других проторённых по жизни дорог. Тогда же неизбежно перед ним встаёт вопрос и о его Отечестве. И ему хочется узнать о судьбах своего народа, о его предназначении.

Глубинного ума русский философ Иван Ильин, оторванный от родины физически, духовно всегда оставался вместе с ней. Он писал в своём далёком далеке, мыслью обращаясь к нам, будущим его читателям: “Вместе с Пушкиным скажем, что другой истории, кроме той, которая у нас была, – не хотим. История, родина, отец и мать не выбираются, не ищутся, а даются судьбой. За это таинственное веление судьбы, за титаническую борьбу с драконом, за устремление к свету чтим мы старую Россию – родину всех великих ценностей, созданных нашим народом...”

День, посвящаемый отечественной истории, подобен дню поминовения родителей. В старину верили в заступничество предков. Надо верить и нам. Верить в непостижимые законы России, в её иррациональное начало, во всё, что подметил Блок и что вылилось у него в стихе:

И невозможное возможно...

Если правда то, что умершие поколения управляют судьбами народов, то есть у нас заступники. Поверим же в чудо русской истории! Поверим в возможность невозможного!”

Каждое поколение нашего народа должно внимательно изучить историю своих предков, для того чтобы понять, зачем они приходили в этот мир, с какой целью и почему так яростно отстаивали родную землю. И разве не дело сыновей и дочерей – следовать вековым заветам своих родителей?!

“Державные строители России” – мой многолетний поиск и утверждение моей России.

ПРЕДТЕЧА. НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ РОССИИ

Разве не заставили таинственным гипнозом несчастное наше Отечество забыть и Ярослава Мудрого, и Александра Невского, и многих других?..

Василий Розанов

Мы верим чуду русской истории, ибо есть у нас предстатели на небесах, есть у нас великие заступники! И один из них — князь Александр Ярославич Невский. Так его звали в миру. 15 июля 1547 года его канонизировала Православная Церковь по предложению первого русского царя — юного Ивана Васильевича, получившего впоследствии прозвище Грозного.

Проследим родословную Александра Невского. Нам необходимо её знать, чтобы понять в полной мере значение его ратных и мирных трудов для строительства будущего могущества России. Новые политики, которые, подобно Егору Гайдару, отказались от великой державы, собранной по крупинкам нашими предками в неустанных заботах, ради того, чтобы жить в своё удовольствие “в маленьком уютном государстве”, никогда не смогут понять провидческих устремлений Александра Ярославича, его рачительных и мужественных потомков. Сегодняшнее, тягостное для родинолюбивых положение нашей страны ни в какое сравнение не идёт с тем трагическим состоянием, в котором находились русские земли семь с половиной столетий назад. О времени, в котором жил и действовал великий князь, и пойдёт наш разговор.

Родословная Невского была полна именитыми предками, ибо Александр, сын великого князя Владимирского Ярослава II Всеволодовича, был внуком знаменитого Всеволода III Большое Гнездо. Отцом Всеволода был Юрий Долгорукий, основатель Москвы, а дедом — великий князь Киевский Владимир Мономах. Дедом же самого Владимира Мономаха был великий князь Киевский Ярослав Мудрый, давший Руси первый свод законов — “Русскую правду”, а отцом Ярослава Мудрого был Креститель Руси Святой Владимир, прозванный народом Красное Солнышко. Дедом героя народных былин — великого Киевского князя Владимира — был бесшабашный воитель, мечтавший создать единую столицу всех славянских земель Святослав Игоревич. А матерью Святослава была былинная княгиня Ольга, супруга князя Игоря, который в 860-м году от Рождества Христова прибил свой меч к вратам Царьграда в знак того, что появился на земле великий народ, с которым, с этого момента, необходимо считаться. А первый киевский князь Игорь по преданию был сыном легендарного Рюрика. Оттого и прозываются все они, прямые потомки его вплоть до царя Фёдора Ивановича, сына Ивана Грозного, Рюриковичами.

Теперь отсчитаем родословие в обратную сторону и посмотрим на потомков самого Александра Ярославича. И здесь мы увидим блистательные имена политиков и полководцев, ревнителей Отечества, которые неустанно приращивали к нашему государству новые земли по тем же самым законам, по которым создавались европейские государства: Франция и Англия, Испания и Германия...

Они действовали осмотрительно и настойчиво, следуя обстоятельствам. И хотя до Ивана Великого, по мнению многих историков, не было среди них личностей выдающихся, это не совсем так. Изучая деяния первых московских князей, невольно приходишь к мысли о том, что каждый из детей и внуков Александра Невского с поразительной последовательностью и вполне осознанно выполнял некий генетически заложенный в его сознание, разработанный и выверенный план создания державы, которой восхитятся и которой станут остерегаться многие рискованные страны. Эти удивление и боязнь лучше всего сформулировал Карл Маркс в своей работе “Тайная дипломатия России”: “Измученная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли подозревавшая о существовании Московии, стиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на её восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые надменные речи москвиты”, то есть посла великого князя Московского.

Перечислим же имена авторов этого грандиозного замысла. Четвёртый сын Александра Невского, князь Московский Даниил (1276–1303) — в скобках даны годы княжения — будущий святой и благоверный князь, заложил крае-

угольный камень в фундамент здания будущей империи, он же выстроил на берегу Москва-реки монастырь, ныне известный под именем Данилова, а также построил церковь Спаса-на-Бору и Богоявленский монастырь (1296), в котором был игуменом Стефан, брат Сергия Радонежского, и где, крестник его сына Ивана, будущий митрополит Алексей, принял постриг и начал своё духовное служение Богу и Московскому государству. Его четвёртый сын Иван Калита (1325–1340) был осторожнее и мудрее своего воинственного старшего брата Юрия (1303–1325) и, подобно своему деду Александру Невскому, заключил союз с Золотой Ордой, усилил экономическое положение Москвы и упрочил её влияние как духовного центра будущей России. С него начинается истинное возвышение молодого Московского княжества среди других русских земель.

При старшем сыне его – Симеоне Гордом (1340–1353) – и его брате Иване Красном (1353–1359) неуклонно рос авторитет Московского княжества, но непререкаемым он стал в результате жизнедеятельности Дмитрия, сына Ивана Красного, прозванного Донским (1359–1389), Святого великого князя-воителя. Он положил начало освобождению Руси от золотоордынского ига.

А завершил борьбу за полную независимость Московского государства ровно столетие спустя правнук Дмитрия Ивановича, великий князь Московский, по сути, царь Московии – Иван III. А уже его внук – Иван Грозный – короновался на царствие легально и первым делом предложил Православной Церкви канонизировать далёкого предка своего, предтечу знаменитых побед русского оружия – князя Александра Ярославича Невского. Таков трёхсотлетний путь нашей державы от маленького удельного княжества до знаменитого царства. И положил основание этому замыслу и его реализации Александр Невский.

О дате рождения знаменитого полководца историки спорят до сих пор. Православный историк Вадим Дудоров считает днём его рождения 30 мая 1219 года. Большая советская энциклопедия полагает, что он родился около 1220 года. Историк Александр Дегтярёв тоже называет именно 1220 год. Исторический календарь, выпущенный в 1993 году, уточняет, что князь появился на свет Божий 5 июня. Эту дату возьмём и мы за отправную точку.

Дети князей в те далёкие времена рано прощались с детством. Уже в четыре года их ожидал постриг – средневековый рыцарский обычай, когда мальчику подстригали кудри, препоясывали его мечом и сажали на коня. В этом же возрасте Александра забрали из терема матери – княгини Феодосии – и отдали на попечение дядьки, боярина Фёдора Даниловича, который учил княжича всему: грамоте и письму, правилам поведения по “Русской правде”: “Еде и питью быть без шума великого. При старших молчать, мудрых слушать, старшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать”, – и воинским правилам. Особенно любил мальчик чтение Библии, Псалтири, летописей (благо его отец имел прекрасную для тех времён библиотеку рукописных книг, русских и греческих, святоотеческой литературы), с большим интересом слушал рассказы о подвигах своих великих предков Всеволода Юрьевича, Юрия Долгорукого, Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого, Владимира Святого. Зачитывался он и повестью о своём тезке – Александре Македонском, покорившем чуть ли не весь мир. Уроки православия ему давал епископ Симон, игумен Рождественского монастыря во Владимире.

Острый ум Александра схватывал многое: грамоту, счёт, правила, писанные и неписанные законы. На всю жизнь ему запомнились строки из “Завета”, созданного родным его дядей Константином Всеволодовичем: “Все мнят, будто князь велик в человецех, и так то является несведущему. А яз испытал и уразумел, что у князя тяжчайшая жизнь, ему не только о себе едином, но обо всех всякую годину надо помышлять и пещься. Да более всего о тех, что сами о себе не помышляют, тех поправлять, не дать никого обидеть и право судить, недужным помогать, войска устраивать.

И кто в вас более страждет и о всех печалует, яко князь, что не имеет ни день, ни ночь покоя в душе своей, все боится, как бы все добре устроить и, став в День Судный, даст Богу ответ за себя и за всех своих подручных (подданных)”. Такая тревожная и подвижническая жизнь ожидала молодого князя.

Ему было девять лет, когда его отца Великий Новгород пригласил на княжение. Не первый раз республиканская вольница приглашала Ярослава Всеволодовича к себе. В 1222 году он уже княжил в Новгороде, но строптивные

новгородцы поссорились с князем и попросили его уйти прочь. Правда, вскоре вновь позвали его для победы над финским племенем емь, что и сделал удачливый князь, но капризное боярство новгородское снова выпроводило его. Теперь Ярослав Всеволодович в третий раз принял от них приглашение на княжение. Он приехал с двумя сыновьями, старшим Фёдором и Александром, и дружиной в 300 воинов. Совершив несколько удачных походов против литовцев, шведов и еми для защиты северо-западных границ Руси, он задумал предпринять большой поход против Ордена меченосцев, который активно продолжал колонизаторскую политику: огнём и мечом захватывал земли ижоры и эстов – племён, дружественных Новгороду, – и русские земли. Он решил привлечь значительные силы для такого удара. По его зову пришли дружины из Переяславля, Владимира и Новгорода к Пскову, но бояре псковские не открыли ворота, усмотрев в этой акции усиление княжеской власти. Более того, они заключили договор с Ригой.

Новгородцы же без псковичей отказались воевать, сколько их ни уговаривал князь, и опять попросили его удалиться. Ярослав Всеволодович рассердился, но своих сыновей оставил в Новгороде на княжении. К сожалению, с августа по декабрь 1228 года шли непрерывные дожди, и урожай новгородский погиб, начался голод и, естественно, вызрело недовольство народа. Этим воспользовались противники Ярослава, и пришлось боярину Фёдору Даниловичу увозить княжичей на родину.

Для Новгорода наступили чёрные дни голода, да и с порубежья стали поступать тревожные вести о грабежах соседей. Пришлось снова кланяться Ярославу Всеволодовичу, который и навёл должный порядок. Вскоре ему удалось и Псков привести под свою руку.

Зимой 1233 года накануне своей свадьбы умер четырнадцатилетний Фёдор. Эта смерть была тяжёлым ударом для Александра, который любил своего брата, и ещё большим – для новгородского князя. Он понимал, что надо готовить нового наследника, и теперь уже не отпускал от себя юного сына, который мужал буквально на глазах. И когда в 1236 году Ярослав Всеволодович сел на киевское княжение, в Новгороде остался его шестнадцатилетний сын Александр, которому великий князь Киевский прилюдно передал свой меч как символ верховной власти.

Александр Ярославович понимал, что главная забота князя – защитить новгородскую землю от нападения врагов. Потому он, не только знающий азы военного искусства, преподанные ему отцом, но участвовавший с ним в сражениях, тщательно готовит свою дружину к грядущим испытаниям. Особенный урок для действий против немецких рыцарей он извлёк из сражения новгородского войска под руководством Ярослава Всеволодовича в начале 1234 года. Тогда новгородцы решили дать отпор меченосцам, захватившим крепость Изборск. Войско подошло под стены Дерпта, который ещё недавно был русским городом Юрьевом, и осадило его. Немецкие рыцари надеялись укрыться в стенах крепости и дожидаться скорой помощи из Риги. Но новгородскому князю удалось выманить врага в чистое поле для решительного сражения. В ожесточённой битве с рыцарями русские воины сломили напор немецких рыцарей и погнали их на лёд реки Эмба. Лёд не выдержал тяжести закованных в стальные латы рыцарей на тяжёлых конях и проломился. Многие из них погибли. Оставшиеся в живых убежали в крепость. Юному князю эта битва запомнилась, и когда через восемь лет он встретился с рыцарями Ливонского ордена на берегах Чудского озера, он знал, что делать и как делать.

А пока Александр Ярославич был занят делами новгородской земли и рассмотрением собственных хозяйственных дел. Новгородцы полюбили приветливого молодого князя за острый ум, за доброе знание книжной премудрости, за ратное умение.

Наступил погромный для Руси 1237 год. Более трёхсот тысяч воинов во главе с ханом Батыем обрушились на русские земли, которые не смогли бы и сообща выставить хотя бы одну треть. К сожалению, и перед этой бедой русские князья оказались разобщёнными.

Безжалостные тумены захватили и сожгли героическую Рязань, в кровопролитной битве разгромили войско великого князя Владимирского под Коломной, сожгли Пронск, Стародуб, Ярославль, Переяславль-Залесский, Суздаль, Ростов, Волок-Ламский, Кострому, Москву...

Не избежал этой участи и стольный град Владимир, который был ограблен и сожжён. Не были пощажены даже церкви. Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович стоял на реке Сити, ожидая подхода полков своих братьев — Ярослава и Святослава Всеволодовичей. Но вместо них на него обрушилась татарская конница монгольского полководца Бурундая, которая легко прошла по замёрзшему руслу реки: “И бысть сеча зла и велика”. Великий князь погиб, а с ним была уничтожена и его храбрая мать. До Новгорода завоеватели не дошли всего сто километров. То ли героическая оборона Торжка навела Батю на грустные мысли, то ли потери были велики, но Батый повернул назад — зализывать раны.

Но и над западными границами Руси уже тяжелели военные тучи.

1

15 июля 1240 года дружина Александра Невского “в малом числе” в одиннадцатом часу утра высыпала из леса на берег речки Ижоры и стремительно обрушилась на беспечное войско шведских рыцарей, не ожидавших такой дерзости от русских воинов. . .

За несколько дней до этого “морской дозор”, который организовал Александр Ярославич из местных жителей под руководством старейшины земли Ижорской Пелгусия (Пелгуй), “в святом крещении Филиппа”, как сообщает об этом “Житие Александра Невского” (XV век), заметил на заливе множество иноземных кораблей, которые, подойдя к устью Невы, стали подниматься вверх по реке в сторону крепости Ладоги. К ночи этого же дня известие о готовящемся нападении на форпост Великого Новгорода было получено Александром Ярославичем.

Молодой князь понимал, что времени у него в обрез, чтобы основательно подготовиться к встрече нежданных гостей. По предварительным подсчётам, шведское войско, жаждавшее обратить в “истинную веру” православных русичей, насчитывало более пяти тысяч человек. И это были не рядовые полки, а элитные воины, многоопытные рыцари, потомки знаменитых викингов, под руководством зятя шведского короля отважного ярла Карла Биргера, будущего правителя государства.

Перед князем встал вопрос: что делать? Собрать новгородское ополчение не было времени, и он принял решение выступить со своей бывалой дружиной в несколько сотен человек навстречу врагу. Часть воинов поплыла на судах по Волхову в сторону Ладоги, а другая на конях отправилась берегом. В каменной крепости, чьи укрепления помнили ещё Олега Вещего, он получил новые известия о противнике, который на своих снеках добрался до невских порогов и на высоком мысу основательно разбил свой лагерь со златоверхим шатром предводителя. Следовательно, шведы ничего не знали о передвижениях новгородской дружины. Конечно, можно было за мощными стенами Ладоги выдержать не одну неделю осады. Но рыцари, предвидя такой исход событий, захватили с собой осадные орудия. Не говоря уже о том, что их войска вполне хватило бы и на осаду крепости, и на разбой в Новгороде и волостях его. А как рыцари могут свирепствовать в чужих землях, молодой князь уже знал на собственном опыте. Да и древние саги оставили нам не одно свидетельство: “Ярл Эйрик подошёл к Альдейгьюборгу (так называли Ладогу скандинавы) и осаждал его, пока не взял город тот, убил там много народа и крепость ту всю разрушил и сжёг”.

Острый полководческий ум Александра Ярославича подсказывал, что необходимо нестандартное решение. Шведы, традиционно нападая на новгородские земли, осаждали Ладогу, за стенами которой отсиживались русские воины. И на этот раз обидчики захватили с собой громоздкие орудия для разрушения стен. Значит, решили серьёзно подготовиться к штурму. А возможно и то, что они ожидали помощи со стороны Тевтонского ордена и готовились к совместным действиям, чтобы объединёнными усилиями разгромить несильное новгородское войско, которое после недавних монгольских нашествий являлось единственной реальной силой, способной защитить северные русские земли от вторжения европейцев.

Надо было думать об упреждении удара, о необходимости сорвать замысел врага. Тем более что лучший способ разрушить планы противника — напасть на него первым и неожиданно. Дружина новгородского князя преодолела

более ста километров от Ладоги до устья Тосны за один день — 14 июля 1240 года. Оставшиеся пятнадцать километров русские воины прошли утром пятнадцатого.

План сражения, разработанный двадцатилетним Александром Ярославичем совместно с княжескими советчиками, был реализован блестяще. Ставка делалась не только на неожиданность удара, но и на согласованность действий разных частей и на бойцовские качества опытных дружинников. Мощный кулак русского войска — конница — ударил в центр рыцарского лагеря, разрезав его надвое и нацелившись на златоверхий шатёр. Это была самая трудная задача, потому что коннице противостояли опытные рыцари, не поддающиеся панике. Так и получилось, что после лёгкого шока они ощерились копьями, не давая пробиться к их предводителю. Но Александр Ярославич со своими дружинниками действовал так стремительно, что выдержать этот напор было нелегко даже знаменитым профессионалам. И вот уже он пробился к Биргеру и нанёс удар копьём через головы рыцарей в шлем знатного шведа. Нужно было в совершенстве владеть мастерством ближнего боя, чтобы в таких сложнейших условиях сражения попасть в узкую прорезь металлического шлема, предохранявшего рыцаря от удара любым оружием. Летописец со слов одного из участников битвы так оценивает личный подвиг новгородского князя: "... и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьём". Раненого ярла с лицом, залитым кровью, тут же унесли на королевскую шнеку.

В это же время один из новгородских военачальников, по имени Миша, ударил со своими пешими бойцами вдоль берега, отсекая шведов, находящихся на кораблях, от сражающихся на суше. Три корабля были уничтожены у берега. Бежавшие с кораблей на другую сторону Ижоры погибли от рук отряда Пелгусия, засевшего в засаде в прибрежном лесу. Такой удар, задуманный заранее, сильно повлиял на исход сражения. Битва стала неподконтрольной шведским предводителям, тем более что один из дружинников, по имени Савва, "напал на большой златоверхий шатёр и подрубил столб шатёрный. Воины же Александровы, увидев падение шатра, обрадовались". В глазах же шведов падение шатра означало бесславный конец сражения. Центром сопротивления рыцарей был их воевода Спиридон, но вскоре погиб и этот храбрец. Летописец приписывает честь одоления его "мужу храброму" Гаврило Олексичу, который один напал на корабль шведский, куда уносили раненого Биргера. И хотя бесстрашный воин был вместе с конём сброшен в воду, но "с Божьей помощью оттуда выбрался невредимым и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою, окружённым воинами".

Кроме перечисленных, летописец, слышавший рассказ о знаменитой битве из уст самого Александра Ярославича и участников сражения, упоминает Сбыслава Якуновича, не имевшего страха в сердце своём и бившегося одним топором с врагами: "И многие пали от рук его и подивились силе его и храбрости". Ловчего своего по имени Иаков за мужество в бою и умелое владение мечом похвалил сам князь. Шестого из названных в "Житии Александра Невского" именовали Ратмиром: "Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался". Таковы имена героев Невской битвы.

Исход сражения был ясен: шведы потерпели сокрушительное поражение. Далеко не все смогли вернуться к себе на корабли. А те, кто вернулся, отошли от берега, но по здравом размышлении поняли, что операция, так хорошо задуманная в Швеции, безнадежно проиграна, и нет уже сил на продолжение её. Крестовый поход на Русь не удался. "Оставшиеся бежали, а трупы погибших своих побросали в корабли и потопили в море".

К вечеру и русские воины отошли с поля боя. Наши потери были небольшими: погибло двадцать дружинников, но раненых было значительно больше. Всех погибших дружинники привезли в Новгород и похоронили под звон колоколов, отдавая воинские почести доблестным защитникам Отечества.

Невская битва имела огромное значение для современников, ибо была первым выигранным сражением после сокрушительного поражения русских княжеств от полчищ Батыя. Победа эта имела непреходящее значение и для потомков русичей: благодаря разгрому врага удалось отвести шведских рыцарей от походов на новгородские земли. Был заключен договор между шведским королевством и вольным Новгородом о мире, который продержался дол-

го: “Даст... король свейский на себя письмо и клятву отнюдь не приходити на Русь войною”.

Но поражение шведов для Тевтонского ордена не стало знаком тревоги. Оно только разожгло их аппетиты. То, что не удалось одним, решили сделать другие. Немецкие рыцари стали спешно готовиться к походу на Новгородскую Русь.

Александр Ярославич, прозванный народом за победу над шведами Невским, давно уже следил за своим западным соседом, понимая, что грядущих столкновений не избежать. Последующие события только подтвердили тревожные ожидания новгородского князя.

Не прошло и двух недель со дня Невской битвы, как в Риге собрались вожди ливонского рыцарства и прибалтийские епископы, которые, кроме духовной власти, обладали и значительной военной силой. Новый магистр Ливонского ордена Дитрих фон Грюнинген, сменивший умершего Германа фон Балка, так сформулировал предстоящую задачу: “Вам предстоит биться безжалостно с язычниками, будь то ливы или славяне, особенно с русскими еретиками – самым опасным и сильным нашим противником. Ибо русы имеют склонность помогать и эстам, и литовцам, и ливам. Мы должны сокрушить оплот их сопротивления – русские крепости на границах с Ливонией – Изборск, Псков. Шаг за шагом, продвигаясь вглубь русских земель, построим там крепкие замки. И добъёмся этого своим мечом. Действовать надо без пощады, чтобы никто не посмел поднять оружие против рыцарского воинства”. Такова была программа безжалостного уничтожения коренного населения русских земель, как это было с пруссами. И противопоставить этой беспощадной силе можно было только организованную волю.

Уже в конце августа войско рыцарей-крестоносцев захватило псковский город Изборск. А вскоре предательством псковского посадника Твердило Иванковича были открыты ворота и самого Пскова. Вместе с изменником городом стали править два немецких наместника. Зимой 1240 года крестоносцы подчинили себе земли финского племени вотьд, союзников новгородцев. Рыцари действовали так смело и решительно потому, что знали: в Новгороде голод, а князю своему боярство города, испугавшееся возросшего авторитета его, отказало в доверии. И Александр Ярославич уехал из города в Переяславль-Залесский.

Вскоре после его отъезда зимой 1240 года рыцари захватили русское поселение Копорье, очень важное в стратегическом отношении для обороны Новгорода, и стали спешно строить там каменный замок. Затем они захватили Тёсово. Таким образом, их отряды оказались всего в тридцати километрах от Новгорода. Грабежи, убийства, разгром имений стали рядовым явлением для республики. Пришлось гордым жителям вольного города смириться и просить изгнанника вернуться на княжение. Летом 1241 года Александр Невский въехал со своей дружиной в город. Новгородцы встретили его с почётом и надеждой на защиту их от завоевателей.

Князь, оправдывая надежды жителей, стал срочно собирать и обучать ополчение. Закончив сборы, он стремительным броском оказался под стенами крепости Копорье, которую вскоре взял, разрушив дотла немецкий замок. Пленных немцев он отпустил восвояси, зная, что в руках рыцарей немало русских пленников, а предателей велел повесить на крепостных воротах.

Освождение Пскова требовало времени и основательной подготовки, на что ушла вся зима 1241–1242 годов, зато удар был таким же стремительным. Ливонцев не спасли крепостные стены – ворота открыли восставшие псковичи. Победа была несомненной. На этот раз князь казнил шестерых рыцарей за совершённые ими преступления. Псковские изменники тоже были казнены. Такой княжеский суд был по сердцу и воинам, и простому люду.

Освободив от захватчиков новгородские земли, Александр Невский совершил удачный поход на территорию Ливонского ордена: враг должен знать, что и его ожидает кара за преступления против русских.

Но Орден не собирался отказываться от своих захватнических планов: его вице-магистр Андреас фон Вельвен сумел собрать крупные силы немецких и датских рыцарей и, не дожидаясь весны, начал мощное наступление на Новгород. Боязнь наступающей распутицы заставила его идти через Чудское озеро. Разведка Александра Невского доложила князю о планах рыцарей,

и русский полководец “поставил полки на Чудском озере, на Узмени у Вороньего камня...”

Летописцы не сообщили потомкам о численном составе противоборствующих сил. По некоторым предположениям, русских было от 15 до 17 тысяч человек, а ливонцев – от 10 до 12 тысяч. По тем временам цифры эти поражали воображение современников. Надо учитывать и то, что рыцари были вооружены по последнему слову тогдашней военной техники: длинными и тяжёлыми мечами, копьями, окованными железом, булавами с острыми шипами, длинными кинжалами, а сами были закованы в сталь с головы до ног, от железного шлема до кольчужных чулок. Даже кони их, тяжеловозы, были покрыты кольчужной попоной, а конская голова закрывалась сталью. Русские же дружинники были одеты в металлическую кольчугу с рукавами, стянутыми у кистей обручами из металла. Богатые воины носили её и кольчужные чулки. Но таковых было немного. Ополченцы же и того не имели. Защитой им служили деревянные щиты с железными полосами, а вооружение составляли мечи, луки со стрелами, рогатины и боевые топоры, а то и дубины.

Александр Невский сам лично выбирал удобную позицию для расположения русских войск у кромки береговой черты озера, а с Вороньего камня ему удобно было наблюдать за передвижением войск. Он уже не понаслышке знал об основном ратном приёме крестоносцев – железном клине, которым распарывалось войско противника на две части. Князь расположил свои боевые порядки “полчным рядом”. Это давало возможность оптимального использования их в бою. Русская конница, не менее опасная в бою, чем ливонская, была надёжно скрыта от любопытных глаз на флангах построения русского войска, и потому удар “кабаньей головы” пришёлся не по ней, а по передовому полку и стоящему за ним также пешему большому полку – “чело”.

Летописец со слов очевидца пишет: “Наехаша на полк немцы и чюдь и прошибоша свиньєю сквозе полк...”. Но у самого берега рыцарей встретила конная дружина (возможно, засадный полк), и ливонцы замедлили свой страшный бег, а потом и совсем остановились. По знаку князя призывно запели трубы, забили бубны, взметнулся ввысь княжеский стяг Ярославичей с изображением разъярённого льва. И действительно, русское войско напоминало собой могучего царя зверей, перед которым ливонский кабан присел на задние лапы и яростно отбивался. “Была тут сеча великая, сеча зла, и был страшный грохот – трусск (треск) от копий ломления и звук от сечения мечного... и не бе видити леду, покрыто бо ся кровию”.

Чудь, загнанная насильно в пешие полки нападавших, быстро бежала с поля боя, ливонцы же, как пишет немецкий автор “Рифмованной хроники”: “...Те, кто находился в войске братьев-рыцарей, были окружены. Братья-рыцари достаточно упорно оборонялись, но их там одолели...”

Решающая битва с крестоносцами была блестяще выиграна мужеством русских воинов и полководческим талантом двадцатидвухлетнего князя. Погибло более 400 и попало в плен 50 немецких рыцарей, в том числе и тот, который надменно обещал взять в плен русского князя. Такого поражения крестоносцы не знали никогда доселе. Победитель со своим войском вступил во Псков.

Н. М. Карамзин в знаменитой “Истории государства Российского” так описывает эту встречу: “Духовенство встретило героя со крестами и с песнями священными, славя Бога и Александра: народ стремился к нему толпами, именуя его отцем и спасителем. Счастливым делом своим и радостью общею, сей добрый князь пролил слёзы, и с чувствительностью сказал гражданам: “О псковитяне! если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не найдут у вас верного пристанища в злополучии: то вы будете примером неблагодарности!” Новгородцы радовались не менее псковитян, и скоро послы Ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили псковских аманатов (заложников), отказавшись не только от Луги и Водской области, но уступив Александру и значную часть Летгаллии”. Русский летописец, думая о великой радости освобождения, записал: “О псковичи, если вы забудете великого князя Александра или отступите от него или детей его, то уподобитесь жидам...” Летописец наших врагов деликатно отметил, что “храбрый Александр принудил рыцарей к миру”.

Александр Невский показал себя истинным защитником Русской Земли для современников, а для нас, потомков его, он стал небесным покровителем

русской нации, Святым и Благоверным князем. Да святится имя его в памяти нашей!

2

Слава, которую за два года обрёл молодой князь, была заслуженной и справедливой. Но и она не остановила литовцев, которые “умножились” и, по слову летописца, “начаша пакостити в области великого князя Александра”. Новгородский полководец несколько раз их отваживал, но в 1245 году литовцы большой силой напали на Торжок и Бежецк и разграбили близлежащие земли. Отряды тверичей, дмитровцев и новгородцев настигли грабителей под стенами Торопца, за которыми те успели укрыться. Вскоре к ним присоединился со своей дружиной Невский. Торопец был взят. Части литовцев во главе с князьями удалось ускользнуть живыми. Русские воины преследовали их и догнали близ озера Жизца: в ожесточённом сражении все князья литовские были уничтожены. Не довольствуясь этим, Александр Ярославич выступил со своей дружиной в поход на Литву и близ озера Усвята разгромил литовский отряд наголову. Таким образом, не стремясь захватить чужие земли, он сумел упредить новые разбойные выступления своих неразумных соседей.

На фоне только что опустошённых и разграбленных Батыем южнорусских княжеств и Владимиро-Суздальской Руси подвиги его воинов оставляли надежду на то, что не всё ещё потеряно для восстановления русской самобытности. Но несмотря на молодость, Александр обострённым умом своим понимал, что положение северных русских земель было необыкновенно сложным: в случае неповиновения сильный восточный враг мог разорить их основательно, и тогда гибель всей Руси была бы неизбежна. Надо было искать разумный выход из этой ситуации.

Отец его, мужественный воин, великий князь владимирский, вынужден был поехать в ставку Батыя и признать и себя, и своё княжество данниками монголов, то есть потерять свою независимость полностью, а взамен этого он был признан главою всех князей русских с правом великого княжения в Киеве. После этого Ярослав Всеволодович выехал по настоянию хана в Каракорум, столицу империи монголов. 30 сентября 1246 года, на седьмой день после того, как он принял из рук вдовы великого хана Туракины в знак великого благоволения пищу, возможно, отравленную, Ярослав Всеволодович скончался на пути в Россию.

Участь отца грозила и сыновьям его, ибо Александру и Андрею Ярославичам ханские послы вскоре вручили приказ из Каракорума прибыть в ставку великого хана, но перед этим они должны были предстать пред очами повелителя Золотой Орды. Батый, наслышанный об уме и подвигах молодого князя, извещал его резко и нелюбезно: “Князь Новгородский! Известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов? Ты ли один будешь независимым? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно в шатре моём, да познаешь славу и величие Моголов”.

И Александр Невский оказался перед трудным выбором: западный враг отнимал у русичей не только веру, но и жизнь; восточный враг не покушался на веру предков, но требовал беспрекословного подчинения, а с признавшими его власть был милостив. Северной Руси предстояло выбрать свою, особую дорогу. Чтобы защитить западные границы, необходимо было обезопасить от нападения восточные. Слишком многое зависело от воли Батыя, чтобы пренебречь его повелением. Думается, что перевесившим чашу сомнений доводом была веротерпимость монголов. Чингисхан, не понаслышке знавший о христианской вере, которую исповедовали родственные монголам племена найманов и керейтов, уважал чужих богов и запрещал обижать их. А несторианских миссионеров (последователей константинопольского патриарха Нестория, усомнившегося в божественной природе Христа) было много тогда, в XII–XIII веках и в Китае, и в Монголии, и в Индии.

Н. И. Костомаров, беспокойный русский историк, справедливо заметил: “Александр совершил своё путешествие с таким успехом, что оно послужило образцом и примером для поведения князей”.

Мудрый и наблюдательный Батый сразу понял, что двадцатисемилетний новгородский полководец своим умом, мужественной красотой и смелым поведением резко выделяется среди других русских князей. Летописец так пе-

редал удивление повелителя Золотой Орды: “Воистину поведаша ми, яко несть подобна мужу сему князю”. За время долгого пребывания в Сарае Александр (монголы его звали Искандер Грозны Очи) основательно узнал нравы и обычаи степного народа, оценил его веротерпимость и дружелюбие друг к другу, отсутствие воровства среди них, но отметил природную жадность и любовь к подаркам. Он подружился с наследником Батыя, старшим сыном его Сартаком, который склонялся тогда к принятию Православия. И принял, видимо, не без влияния бесед с Александром. Батыя устраивала такая дружба, ибо он, наблюдая много лет за событиями, происходящими в Киевской и Галицкой Руси, в Литве, Венгрии, Польше, в немецких землях, понимал, что и среди русских князей и ему, и сыну его нужен надёжный союзник для проведения необходимой Орде политики.

Русские летописи ничего не рассказывают о поездке братьев в столицу монгольской империи. Три месяца ехали они по следам своего несчастного отца в полном неведении о том, что с ними будет, и готовились к самому худшему. К счастью для них, Каракорум жил тревожной борьбой за трон великого хана и ему было не до молодых русских князей. Видимо, Гуюка они уже не застали. Назначение хана Батыя некому было утвердить, ибо *замятня монгольская* продлилась до 1251 года, а братья уехали из столицы поздней осенью 1249-го и в самом начале следующего года прибыли домой.

Александр стал старшим среди русских князей. Раньше это назначение было формальным, но, утвержденное сильной властью Батыя, приобрело решающий вес. В разрушенный и опустошённый Киев Александр не поехал, а вернулся, отягчённый новой властью, в ставший родным ему Новгород. Летописец делает краткую, но многозначную запись: “Того же лета прииха князь Александр Ярославич из Орды в Новгород, и рады быша новгородцы”.

За три с лишним года, что он провёл в Монголии, изменилось немного. Князей ждала трагическая весть: погиб в сражении с литовцами брат Михаил, но Ярославичи сполна отомстили врагам за его смерть. На следующий год покинул Киев и приехал в Суздаль, а оттуда через Владимир в Новгород митрополит Киевский и Всея Руси Кирилл. Его приезд был не случаен: он поставил епископа Далмата управлять новгородской епархией. Это укрепляло позицию Новгорода по сравнению с другими русскими городами.

Долгожданный мир в последующие годы нарушался неурожаем вследствие непогоды, пожарами и болезнью Александра. Но голода удалось избежать рачительными действиями, пожары потушить, а болезнь, благодаря заботам новгородцев, молившихся за своего заступника, вылечить. В 1252 году 24 июля произошло событие из ряда вон выходящее: как сообщает нам летописец, великий князь владимирский Андрей Ярославич покинул свой престол и вместе с женой и боярами тайно бежал. Н. И. Костомаров объясняет случившееся так: “Этот князь не мог так скоро изменить понятий и чувствований, свойственных прежнему русскому строю и шедших вразрез с потребностями новой политической жизни”. Судя по всему, не желая быть данником Золотой Орды, он не выплачивал ясака, не возил дорогих подарков в Сарае, чем и вызвал раздражение Батыя и его сына Сартака, управлявшего делами вместо стареющего отца. А скорее всего, в Сарае узнали о его планах восстания против ордынской власти, которые он обсуждал со своим тестем Даниилом Галицким.

Разгневанный Батый послал карательную экспедицию на Владимир. Карамзин пишет: “Неврюй, Олабуга, прозванием Храбрый, и Котья, воеводы татарские, уже шли в сие время наказать его за какое-то ослушание: настигнув Андрея у Переславля, разбили княжескую дружину, и едва не схватили самого князя. Обрадованные мстить россиянам как мятежникам, толпы Неврюевы рассыпались по всем областям Владимирским: брали скот, людей; убили в Переславле воеводу, супругу юного Ярослава Ярославича, пленили его детей и с добычею удалились...” Так уж велось тогда: за вину князя расплачивалось всё его княжество. Сам же Андрей бежал в Новгород, который его не принял, и через Псков, Колывань (Ревель, нынешний Таллинн) ушёл с женой в Швецию.

Александр, ещё не зная о Неврюевой рати, но предвидя эти события, отправился в конце мая 1252 года в Золотую Орду. опередить нашествие ему не удалось, а побратима своего Сартака он сумел успокоить и хоть частично уменьшить репрессивные меры: “Но полагаю, — убеждал он хана, — если не

будем прощать людям согрешения их, то и Всевышний не простит нам согрешений наших”. Урок неудавшегося восстания был жесток: единства среди русских князей ещё не было, русские земли были обессилены и опустошены нашествиями, и не было сил, чтобы отстоять свою независимость. Необходимо было смириться и медленно, но неуклонно готовиться к восстановлению своей свободы. Предстояла более чем двухсотлетняя работа по собиранию Руси в единое целое и по искоренению рабства, которое начинало уже проникать в кровь и плоть народа.

Из ставки Невский уезжал, получив ярлык на великое княжение Владимирское. Батый поставил во главе богатой русской земли авторитетного деятеля, полководца, который знал силу монгольского государства и сумел бы собрать необходимую Золотой Орде дань вовремя и полностью.

Въехав в стольный град Владимир при всеобщем одобрении, Александр Ярославич первым делом “люди распужены собора в дома своя”, а потом стал в своём княжестве восстанавливать разрушенные и испоганенные церкви, строить новые дома и селения, то есть налаживать жизнь. Владимирцам нравились в новом князе спокойная рассудительность, уверенность в собственных силах, уважение к ним и неброская самоотверженность. Слово с делом у него не расходилось никогда.

С получением ярлыка на великое княжение изменились и задачи правления великого князя. К обязанностям талантливого полководца, охранителя своей земли, прибавлялись обязанности правителя. Для руководства княжеством требовались иные способности, иной, государственный кругозор. Наблюдательный историк конца девятнадцатого столетия М. Хитров так охарактеризовал великого князя в этот период его жизни: “Александр имел достаточно силы и самоотречения, чтобы воплощать в своей деятельности идеалы будущего и сообразно с ними устраивать судьбы своего народа тем способом, какой только был возможен по обстоятельствам того времени, благодаря чему новые, намеченные им порядки, несмотря на ошибки его преемников, пустили корни в народной жизни и получили возможность дальнейшего развития и применения. И в этот момент своей жизни, который должен был повлиять на судьбу целых столетий, он является перед нами великим правителем и героем, который жертвует своим спокойствием, всеми выгодами и почестями своего положения, всеми личными интересами для того, чтобы заложить прочные основы великого здания будущего, отличаясь в этом отношении от всех современных ему князей”.

Замыслы Александра Невского, размах его деяний явно превышали размеры небольшого русского княжества и были рассчитаны на иной масштаб государства. Он был явно человеком будущего, выпадающим из эпохи раздробленности, разобщенности русских князей, а потому понимал пределы своей деятельности и соизмерял свои планы со своими возможностями. Но шаги его были великаны. Об этом говорит его столкновение с Великим Новгородом в 1255 году. Строптивные новгородцы изгнали из города юного князя Василия, сына Александра Невского, и сместили посадника, дружелюбного князю. Полководец не мог стерпеть такого позора и явился со своей дружиной к Новгороду. Долго шли переговоры, но всё-таки Александр настоял на своём: Ананий, новый посадник, был смещён и назначен Михаил, доблестный воин, участвовавший в Невской битве, а Василий был восстановлен на княжении. Впервые за долгие годы Господин Великий Новгород вынужден был уступить. Великий князь владимирский, старший среди русских князей, показал, что и над народной республикой есть его воля, которую необходимо учитывать и уважать.

Правда состоит и в том, что он, войдя в город, обласкал новгородцев, но в его настойчивости звучала твёрдая решимость будущей государственной дисциплины. Пройдёт ещё 220 лет, прежде чем его потомок Иван Великий упразднит независимость вольного города. О масштабности государственной деятельности Александра Невского говорит и задуманный им с перспективой поход (для всех он был вначале вооружённым ответом на попытку шведов построить крепость на русской территории) в глубину Финляндии, захваченной тогда шведами. Эта экспедиция готовилась в тайне, а когда цель была объявлена, то не все воины согласились в зимних условиях идти к Полярному кругу, далеко не всем была понятна идея такого трудного похода, но результаты его были удивительны. Шведы были ошеломлены дерзким походом рус-

ских и не оказали никакого сопротивления. Кстати, по свидетельству шведских историков, немало финнов поддержало русских, ибо они были недоброжелательны шведским насилиям. Более того, военная экспедиция Александра Невского так подействовала на воображение правителя страны Биргера, что он приказал своим нападать на Россию, и прошло 37 лет, прежде чем шведы отошли от шока и попытались вторгнуться в русские пределы.

Один из биографов Александра Невского так оценил действия великого князя: “Мы положительно ничего не знаем, что имел в виду Александр Ярославич, предпринимая поход против шведов. Быть может, кроме желания наказать их за нарушение прав народа, он имел ещё что-нибудь и другое в виду: может быть, в его светлой голове зародилась та же мысль, которая через четыре с половиной столетия была осуществлена Петром Великим...”

Вне всякого сомнения, Невский был не только выдающимся полководцем, но и политиком твёрдых убеждений. Об этом красноречиво говорит такой факт. Когда католическая церковь поняла, что силой оружия невозможно подчинить своей воле русский народ, Римский Папа Иннокентий IV послал в 1251 году к Александру Невскому во Владимир двух доверенных послов своих, кардиналов Гальда и Гемонта. В своей булле (послании), которая датирована февралём 1248 года, Папа именуется князя герцогом Суздальским, хотя, как мы знаем, братья Ярославичи только через два года вернулись из Каракорума. Он, играя на сыновних чувствах, уверяет Невского, что его отец Ярослав Всеволодович, будучи в Монголии (Татарии, как писали тогда. — А. П.), по собственному желанию или по совету какого-то боярина дал слово странствующему монаху Плано-Карпини принять веру латинскую. И, конечно же, исполнил бы своё обещание, если бы не скончался внезапно. Сын же должен следовать заветам отца, если хочет душевного спасения и мирского счастья. Ещё не зная о его поездке в Каракорум, Папа призывает Александра, который якобы будет благодетельствован Католической Церковью, известить о новом нашествии монголов и хвалит его за то, что не принял власть хана. Заканчивается же это послание к Александру многообещающе: “Да будет тебе ведомо, что коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам, более того — Богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей неусыпно радеть будем”.

Ответ великого князя был ёмок и красноречив: “Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим”. Александр Невский хорошо изучил католического волка по его зубам. Он прекрасно понимал, как православный человек, что католическая вера не будет принята русским народом. А вступить даже во временный союз с Римом означало для него отказаться от Православия.

Вскоре пример отважного воина, благородного князя, но не очень далекого политика, Даниила Галицкого, принявшего унию, доказал, что убеждённость в вопросах веры идёт на пользу русскому народу и русскому государству.

Очень необычна своим жизненным опытом судьба этого южнорусского князя, который был удачливее своих северных соплеменников, пытаясь заложить основы русского государства: он получил от Римского Папы королевскую корону, заслужил своей отчаянной смелостью уважение Золотой Орды, но всё же стал данником её. Всю оставшуюся жизнь Даниил Галицкий тяготился рабством, пытался стать независимым, почему и пошёл на союз с Европой. Южная часть русского народа всё далее отдалялась от других частей некогда единой Руси. Если северные и восточные земли тянулись друг к другу, скреплённые единой верой, то юго-западная Русь всё более теряла свою самобытность и несмотря на то, что на полтора века раньше освободилась от золотоордынского ига, так и не смогла освободиться от унии, уничтожившей Православие на древних русских землях. В этом смысле судьба Александра Невского в его потомках была более счастливой, нежели судьба отважного и благородного Даниила Романовича, русского витязя.

А самому Александру Ярославичу пришлось испытать горькое унижение ради будущего, более тяжкое, чем поражение в бою. Кстати, Александр Невский, как и Александр Суворов, не проиграл ни одного сражения за всю свою жизнь! В 1257 году великий князь владимирский узнал о том, что Каракорум решил переписать всё население своей обширной империи, чтобы привести

в порядок сбор дани. И он поторопился в Золотую Орду с богатыми дарами. Понимая, что невозможно отменить ясак полностью, Александр Ярославич предлагает передать его сбор в руки русских князей. Жестокий опыт взаимодействия с бесерменами, перекупавшими сбор у монголов, а потом сдиравшими три шкуры с населения, продававшими неимущих в неволю за недоимки, заставил его пойти на такое предложение. И оно было принято в ставке хана Берке, но на князя было наложено обязательство помогать монгольским “численникам” в переписи населения русских земель.

В Суздальской, Рязанской, Муромской и других областях перепись прошла спокойно, были назначены чиновники: десятские, сотники, тысячники, темники для сбора дани. Но в Новгороде и Пскове такое известие было встречено в штыки. В Новгороде, несмотря на уговоры духовенства подчиниться решению властей, грозило вспыхнуть восстание. Особенно негодовали “младшие люди”, гордившиеся своей независимостью от монголов. Был убит посадник Михаил Степанович, который пытался утишить недовольных. Более того, родной сын Александра Невского князь Василий, разделяя чувства вольного народа, выступил против отца, когда тот явился со своей дружиной наводить порядок в городе.

Пришлось во избежание новой “неврюевой рати” применить силу. Непослушного сына он сослал в Низовскую землю, а зачинщиков мятежа жестоко наказал. Обращаясь к новгородцам, он, по слову Сергея Глинки, сказал: “В чём упорствуете? Жизнь братий ваших гибнет, а вы жалеете золота и серебра... Смиримся на время: недолго будет торжествовать власть иноплеменная, если укрепимся Богом, верой и единоплеменным”.

Но отчаянные новгородцы не смирились и только в 1259 году, узнав о том, что во Владимире стоит монгольское войско, готовое идти на Новгород, свободолюбивое вече после бурных споров сообщило великому князю, что согласно на ордынскую перепись. Летописец отметил это событие одной строкой: “Бысть тишина великая христианам”. Следующий, 1260 год отмечен ещё более краткой, но отрадной записью: “Мирно бысть”.

Миротворческая деятельность Александра Невского стала приносить свои плоды. Тишина пришла на русскую землю. А это означало, что можно строить дома, рожать детей, заниматься торговлей, тем более что монголы всячески поощряли её развитие.

А в 1261 году великая радость пришла и в дом владимирского князя – у него родился сын Даниил. Именно от этого мальчика и пойдёт могучий род московских князей – создателей Российского государства, снова собравшего все разрозненные русские земли в единое целое. К сожалению, не навсегда.

Но мир оказался недолгим. Хан Берке, заподозрив своих сборщиков дани в утаивании большей её части, отдал прожжённым ростовщикам – хивинским торговцам – на откуп её выход, а те, будучи мусульманами, своими издевательствами над христианами и непомерными поборами восстановили против себя всё население великого владимирского княжества.

Восстание 1262 года вспыхнуло, как по команде, под звон церковных колоколов сразу во многих городах: Ярославле, Ростове Великом, Владимире, Суздале, Переяславле, Муроме, Устюге...

Самых наглых бесерменов восставшие избивали, а остальных выгоняли из своих городов. Монаха-расстригу Зосиму, бесчинствовавшего при сборах дани, убили. И наоборот: баскака Бугу, который не обижал горожан и принял Православие, пощадили.

Александр Ярославич понимал, что народ был доведён до отчаяния произволом баскаков. Известна его грамота устюжанам с призывом “бить татар”. Ясно, что необходимо было разрушить несправедливую систему бесконтрольного грабежа населения.

Приехав в Сарай, Невский смог убедить хана Золотой Орды в необходимости отдать сбор дани в руки русских князей. И ещё одно великое дело ему удалось сделать: освободить русские земли от воинской повинности. С этого момента наши воины не шли защищать чужие интересы, не гибли в карательных походах. Кстати, Берке, как и Батый, с уважением относился к Православию. Его племянник, ордынский царевич, как и Сартак, сын Батыея, принял крещение и получил христианское имя Пётр. После смерти своей супруги он принял постриг. Жизнь его была истинным служением Богу и людям, посему

его прозвали Ростовским чудотворцем. По кончине своей он был причислен к лику святых.

Целый год не отпускал хан Александра Невского из Сарая. Берке любил беседы с умными людьми, ценил учёных и художников. Под влиянием русского князя он разрешил учредить в 1261 году Сарскую епархию в своей столице, и митрополит Кирилл освятил её. Но видя, что Александр Ярославич тяжело заболел, Берке отпустил его домой. Видит Бог, как торопился домой владимирский князь, чтобы сообщить народу добрую весть: не будет новой “неврюевской рати”, не будет поборов, учиняемых бесерменами, не будут набирать на службу хану русских воинов. Такие новости были бесценны для русского сознания, тем более из уст народного заступника.

В ноябре 1263 года добрался Александр Невский до родных пределов и “доиде до Новгорода Нижнего и пребыв ту мало и иде на Городец”. Здесь же, в келье Фёдоровского монастыря совершенно больной сорокатрёхлетний великий князь Владимирский принял постриг, и с именем инока Алексия 14 ноября умер при свете лампады, горевшей пред иконой Божией Матери.

23 ноября прах его был предан земле в соборе Владимиро-Рождественского монастыря. За похоронными санями шли его соратники и любивший князя простой народ. Митрополит Фазумен выразил общую боль, сказав о нём: “Чадо мои! Яко уже зашло солнце земли Суздальской”.

Завершилось его земное служение Богу и Отечеству. И вот уже более семи веков продолжается служение его в чине Предстателя русского народа на небесах.

Счастлив народ, имеющий таких защитников!

(Продолжение следует)